

Священник Константин Костромин

ВОЗРОЖДЕНИЕ МОНУМЕНТАЛЬНОГО СТИЛЯ В РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Рецензия на: *Гайденко П.И.* Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси. Становление высшего церковного управления. Казань, 2006.

В наш век церковно-историческая наука переживает определенный подъем, но нельзя не отметить одной детали — слишком специфичен момент для восстановления утерянных традиций. Начиная с середины XX в., наблюдалось последовательное и, к сожалению, довольно быстрое умирание исторических школ как явления, что почти сразу сказалось на качестве и объеме научной мысли. Взамен традиционных московской и петербургской школ-соперниц остались лишь некоторые «микрошколы», созданные яркими исследователями, обладавшими к тому же большим педагогическо-организаторским талантом. Так появились индивидуальные школы Б.А. Рыбакова, И.Я. Фроянова, Д.С. Лихачева, П.П. Толочко и некоторых других. Большинство их еще живо и сейчас. Но церковной науке не повезло — у нее нет фундамента, на котором ее можно было бы построить. По этой причине здесь наблюдается иная, пусть пока еще и робкая, тенденция — исследователи церковной старины пытаются создать школы «снизу». Это означает, что молодые церковные историки, отталкиваясь от авторитетных для них особенностей традиционных исторических школ, разрабатывают методы и особенность подхода к историческому материалу, постепенно организуясь в школы (о появлении которых можно будет лишь с некоторой надеждой говорить в достаточно отдаленной перспективе). Поэтому появление любой яркой фигуры на этом поприще не может и не должно остаться незамеченным.

Одной из таких заметных фигур является иеромонах Петр (П.И. Гайденко), казанский историк, доктор исторических наук, который находится на пути создания исторической школы. У нас в руках несколько его работ и учебных по-

Священник Константин Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель и заведующий аспирантурой Санкт-Петербургской православной духовной академии.

собий, каждая из которых заслуживает пристального внимания. В данной рецензии или, вернее будет сказать, реплике речь пойдет о монографии, выпущенной в Казани в 2006 г. Она посвящена исследованию вопроса формирования церковного управления в XI в. в контексте взаимоотношений княжеской и церковной властей в эпоху сыновей Ярослава Мудрого.

Первое, что хотелось бы отметить, это замечательное здравомыслие автора, делающее его рассуждения весомыми. В научной литературе нашего времени встречаются работы, авторы которых хорошо цитируют источники, знакомы с историографией и владеют методом, но их работы неинтересно читать, поскольку в них совершенно отсутствует живая мысль, азарт исследования. Отрадно отметить, что в работах о. Петра (П.И. Гайденко) и мысль и интерес настолько тесно сотрудничают с профессионализмом, что это позволяет определить его труды как весомый вклад в изучение русской церковной истории. Метод, избранный о. Петром (П.И. Гайденко), можно определить следующим образом: заранее обдуманная позиция и траектория мысли выстраивается в четко выдержанную линию повествования, оттеняемую тонкими, точными и очень нужными оговорками, которые помогают представить не только линейную логику, но и объем мысли. Так, источниковедческий и историографический обзоры, выделенные в две самостоятельные главы, с одной стороны, содержат такие существенные детали, которые придают этим главам статус методологических, а с другой, — лишены исчерпывающих характеристик источников и произведений предшественников, что было бы и не нужно. Зато замечания автора к разбираемым им текстам настолько личностны, что становятся понятным и мнение автора, и отмечены такие детали, которые ускользали от взгляда других рецензентов и исследователей.

О. Петр (П.И. Гайденко) придерживается мнения, что «эпоха Ярославичей разительно отличалась от предыдущих лет» (С. 51). Как своеобразный индикатор этих изменений выступают в его исследовании события, связанные с поставлением «русина» митрополита Илариона и с судом над архиепископом Новгорода Лукой Жидятаой. Эти события автор связал с обострением борьбы прогреческой и антигреческой партий в кругах, имевших отношение и к церковному управлению и, одновременно, к княжеской администрации. По его мнению, эти и последовавшие события показывают, «что дети Ярослава на первоначаль-

ном этапе, особенно Изяслав, оказались менее последовательны в своей церковной политике, чем их отец». Этот в значительной степени новаторский взгляд нужно признать весьма плодотворным: если указанные события рассматривать исключительно в контексте политики Ярослава (как принято в историографии), то это не только подчеркивает границу между эпохами Ярослава и его детей и помогает противопоставлению этих эпох, но и затрудняет объяснение их политической подоплеки. Связь между событиями конца правления Ярослава и началом правления «триумвирата Ярославичей» позволяет увидеть преемственность политической власти на Руси, да и просто больше соответствует исторической действительности, ведь дети князей Киевской Руси были отправляемы в регионы и быстро становились более или менее активными политическими фигурами, и их активность приобретала особенный размах в годы старения держателя киевского стола (мы знаем, как это происходило в последние годы жизни св. Владимира Святославича, знаем об активности Владимира Мономаха в годы киевского правления Святополка Изяславича и Мстислава Великого в годы правления его отца). Почему в случае Ярослава должно быть иначе?

В главе «Противостояние Ярославичей в церковной сфере» рассматривается несколько сюжетов церковной истории 1060–1070-х гг. Прежде всего, это вопрос о титулярных митрополиях в Чернигове и Переяславле. Необходимо отметить, что после известной статьи А. Поппэ в Византийском временнике за 1968–1969 гг., по сути поставившей проблему трех митрополий Киевской Руси в исторической науке, последовало длительное затишье. В последние же годы к ней вновь привлечено внимание исследователей. Однако данная тема относится к той категории проблем, где осмысление возможно только на основе большого количества фактов, которого до сих пор исследователям не доставало. Заметный прорыв в изучении вопроса о митрополиях ознаменовала монография Д.Г. Хрусталева «Разыскания о Ефреме Переяславском» и серия статей А.В. Назаренко, причем приведенные в последних факты дают богатую почву для мысли. О. Петр (П.И. Гайденко) имел возможность познакомиться с работой Хрусталева, но не знал о статьях Назаренко. Нужно признать, что в условиях интенсивного изучения данного вопроса наше замечание устанавливает лишь досадный факт досрочного устаревания данного раздела монографии, но не является упреком ее автору. Думается, что именно поэтому рассуждения автора

о существовании в Киевской Руси митрополичьих округов выглядят нарочито гипотетично. Более того, происходившее в Киевской Руси в XI в. было куда более феноменалистично, а потому выстраивать типологию исторических явлений представляется достаточно рискованным занятием. При этом, признаюсь, сам ход рассуждений автора и его способ мышления заставляют признать их не просто взвешенными, но и убедительными.

Отталкиваясь от собственных выводов о структуре и способах управления Церковью в Киевской Руси, о. Петр (П.И. Гайденко) переходит к событиям смуты Ярославичей, попутно отмечая «небезразличное отношение русского духовенства к участникам конфликта» (С. 97). В качестве наиболее показательного примера сложности этих взаимоотношений автор приводит ситуацию с почитанием мощей и канонизацией свв. Бориса и Глеба. Столь же резонно переходит он и к теме отношения древнерусской церковной традиции к латинству, справедливо критикуя Б.Я. Рамму за категоричность выводов, которые, по мнению автора, должны быть не столь однозначными и более осторожными.

Исторические изыскания о. Петра (П.И. Гайденко) нужно признать тем более ценными, что он исходит из принципа первичности исторического письменного источника, учитывая его нарративный характер. Так, глава «Киевская митрополия (1051–1073 гг.)» построена на одном весьма важном наблюдении, которое хотя и фигурировало в работах предшественников, все же не получило должного осмысления. Речь идет о том, что в указанные годы Киевская митрополия существовала как бы априори, поскольку известия о ней совершенно отсутствуют в летописных памятниках: как в Повести временных лет, так и в новгородском летописании. Подробно разобрав возможные причины и сопутствующие исторические события, в которых должно было, но не отразилось участие киевского митрополита, автор убедительно констатирует: «убежденности в существовании реальной гегемонии киевского первосвященника на Руси <...> нет».

Интересный вывод сделал о. Петр (П.И. Гайденко) и в отношении церковной политики эпохи Святослава Ярославича. Исходя из двух посылок — прогрессивной направленности князя (и одновременно появившихся в летописи сообщений о митрополитах-греках) и оппозиционности Киево-Печерского монастыря к митрополиту, — он сделал вывод, что важным результатом церковной

политики князя стало относительное примирение монашеского и административного полюсов церковной действительности, что заметным образом изменило соотношение сил в треугольнике политическая элита — русская церковная администрация — Константинопольская Патриархия.

В предпоследней главе о. Петр (П.И. Гайденко) попытался показать, что, «не вполне удачливый в делах государственных, Всеволод, как никто другой до него, был успешен на церковном поприще» (С. 137), в то время как «скудость деталей в летописании <...> лишает нас возможности в полноте воссоздать реальную картину церковной жизни этой поры» (С. 140). Здесь автор, на наш взгляд, становится заложником избранного метода исследования, когда летописное наследие рассматривается как некая целостность, позволяющая делать выводы на основе только ее внутреннего анализа. Однако хотя данному методу нельзя отказать в плодотворности, возникающее в результате его применения ощущение замкнутости основного источника мешает воссоздать объемную картину прошлого. Если применительно к X и ко всей первой половине XI вв. летописные источники дополняются большим количеством разнообразных иностранных источников, то начиная со второй половины XI в., когда роль иностранных источников начинает падать, скудость летописных сведений в значительной степени возмещается древнерусским культурным наследием — памятниками древнерусской литературы, архитектуры, монументальной живописи и прочим. С учетом тех данных, которые сообщают эти «второстепенные» источники, вряд ли может сложиться впечатление непредставимости жизни древнерусской Церкви.

Однако и здесь о. Петр (П.И. Гайденко) нашел возможность поставить вопрос и дать на него ответ, который, с одной стороны, позволил вписать церковно-административную ситуацию эпохи Всеволода Ярославича в общий контекст работы, а с другой, по-новому взглянуть на становление власти киевского митрополита. Его вопрос был сформулирован так: «а где и кем поставлялись новгородские владыки?» (С. 143). Этот вопрос имеет однозначный ответ для эпохи татаро-монгольского ига и, отчасти, для XII в., но в отношении XI в. вопрос этот представляет определенную важность с учетом сепаратистских тенденций Новгорода как государственной административной единицы (с учетом его былого доминирования на севере Руси и существования устойчивых политических элит, уходивших корнями в глубокое прошлое) и как епархии, претендо-

вавшей и в итоге получившей архиепископский титул. Упоминание Киевского митрополита Иоанна Скопца в новгородском летописании, с учетом характеристики этого митрополита, по мнению о. Петра (П.И. Гайденко), указывает на становление централизации церковной власти на Руси, включая и «трудный» регион Новгорода.

Особенный интерес, на наш взгляд, представляет последняя глава книги, озаглавленная «О великокняжеской инвеституре в древнерусской церкви». Автор полагает, что «инвеститура в форме участия светской власти в процессе выбора и назначения претендентов на высшие церковные должности», хорошо известная по Западной Европе, имела место и на Руси. На это указывает не только тесная связь между церковной иерархией и великокняжеской властью. Княжеские церковные уставы, по мнению о. Петра (П.И. Гайденко), демонстрируют куда большее, нежели в Византии, делегирование церковным иерархам элементов светской власти. В качестве одного из наиболее известных проявлений этой власти можно назвать десятину, имеющую не византийское происхождение. Большое значение имеет и активно дискутируемый сегодня вопрос о характере землевладения и землепользования в Киевской Руси. Если Церковь имела княжеские земельные пожалования, что видно на примере Киево-Печерского монастыря, то можно, хотя бы и с небольшими ограничениями, говорить и о применимости принципов феодальной организации общества в Киевской Руси, с оговоркой, что речь идет о раннефеодальной форме социальных взаимоотношений. К уже замеченному о. Петром (П.И. Гайденко) можно добавить: если в западноевропейской традиции право инвеституры принадлежало императору как носителю не только «светской» (прагматической), но и сакрально-государственной власти, можно ли проводить параллель с Киевской Русью, где в XI в. инвеститура наблюдается только применительно к киевскому князю? Насколько князь является сакральной фигурой не в языческом, а в христианском контексте? Или этот языческий пережиток позволил древнерусскому обществу и власти пойти по сходному пути развития, что и западноевропейские государства, и обусловить этим лучшее понимание западноевропейских реалий, чем византийских?

Выводы, к которым о. Петр (П.И. Гайденко) пришел в результате исследования, сформулированы так: история становления института церковной власти на Руси и ее взаимоотношений с властью великокняжеской «отразил процесс

феодализации Руси» (С. 159). Собственно проблема формирования церковной власти в XI в., подробно освещенная в книге, не была четко резюмирована в заключении. Рецензенту показалось возможным высказать свой взгляд на то, какой сложилась динамика ее развития, исходя из выводов исследования. Эпоха князя Владимира может быть охарактеризована как эпоха первых попыток киевского князя принять участие во внедрение в социальную структуру древнерусского общества церковного института. Едва ли может идти речь о том, что это удалось быстро и безболезненно — скорее попытку князя Владимира можно назвать экспериментом, а формы церковной власти — временными и переходными, почему они в такой слабой степени и отразились в письменных источниках. При Ярославе происходил постепенный процесс «приживания» церковного института как такового, что позволяет охарактеризовать этот период как переходный. Сыновья Ярослава имели дело с уже привычной, но еще недооформившейся властью митрополита, и попытались использовать ее в своих интересах, придав своим попыткам вид интенсивной феодализации церковно-государственных взаимоотношений. «Смерть Всеволода была рубежом, за которым для русской церковной организации, возвышенной покойным князем, открылись перспективы самостоятельной деятельности в пределах Руси» (С. 160).

При этом автор исследования пришел к ряду выводов, которые можно назвать сопутствующими. Так, ему показалось «наивным ставить вопрос о консолидирующей миссии церковного института в восточнославянском обществе в первые сто лет принятия христианства» (С. 161). С этим заключением можно согласиться лишь отчасти. Действительно в ближней перспективе, если бы речь шла о народно-бытовых или даже народно-культурных взаимосвязях, о роли христианства не может быть и речи. Однако довольно тесное переплетение элементов церковной культуры через механизм преемственности сблизил если не народы, то государственные элиты. Примеров подобных связей, возникших благодаря политическому функционированию древнерусской церковной власти, достаточно много. Поскольку же имел место и церковный обмен опытом, то, сохраняясь в культуре, он не мог не иметь значительных последствий, хотя и в более отдаленной перспективе. С тезисом автора, что Церковь в изучаемую эпоху едва ли могла стоять на защите единства древнерусского государства, нельзя не согласиться.

Нужно признать, что исследование иеромонаха Петра (П.И. Гайденко) об истории церковно-государственных взаимоотношений в Киевской Руси совершенно своевременно и отвечает как требованиям строгой научности, так и запросам думающего читателя, что крайне редко можно сказать применительно к одной книге. По моему мнению, в исследовании заложен огромный потенциал, развивая который можно вполне естественно прийти к реализации тех задумок, о которых автор упомянул во введении — прийти к написанию русской церковной истории, к работе, которая давно назрела в церковно-исторической науке.